

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОССИЯ

Сезон 19

«ВЕРА»

Александра Венглинская

Сезон 19 · материалы № 212–221 из 233 · цикл II

СОДЕРЖАНИЕ

1. Священник, который писал декрет против своей Церкви
2. Десятое мая, два часа ночи
3. Двенадцатого мая к патриарху пришли трое
4. Восемь подписей из десяти
5. Пятьдесят пять миллионов сказали это переписчику
6. Архиерея привезли на Собор из красноярского госпиталя
7. Постановление номер девятьсот девяносто три
8. Он успел построить собор на четыре тысячи человек
9. Регулятор признал, что прогноз не сбывся
10. Пять человек на одной должности

Священник, который писал декрет против своей Церкви

№ в серии: 212 из 233 · № в сезоне: 1 из 10 · Сезон: 19 «Вера» · Часть: I «Лишить Церковь оболочки» · Дзен: 10.11.2027 · ЖЖ: 10.11.2027 · Заставка: s19_01.png · Теги: Историческая Россия, вера, Русская православная церковь, Совет народных комиссаров, декрет 1918 года, Михаил Галкин

Шестнадцатого апреля тысяча девятьсот шестого года митрополит Антоний рукоположил в Исаакиевском соборе Михаила Галкина. С двадцать второго сентября тысяча девятьсот пятнадцатого он служил в Спасо-Колтовской церкви в Петрограде.

Через двенадцать лет тот же человек сидел в восьмом отделе Наркомата юстиции. Отдел назывался ликвидационным.

Галкин консультировал комиссию, которая писала декрет об отделении церкви от государства.

Эта фамилия вернётся в сезоне ещё дважды.

СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТЬ ДНЕЙ

За два с половиной месяца до декрета Церковь получила то, чего у неё не было сто девяносто шесть лет.

Пятого ноября тысяча девятьсот семнадцатого года в храме Христа Спасителя слепой старец Алексей Зосимовский вынул жребий из трёх имён. В урне были митрополит Харьковский Антоний Храповицкий, митрополит Новгородский Арсений Стадницкий и митрополит Московский Тихон Белавин.

Выпал Тихон. Двадцать первого ноября его возвели на престол в Успенском соборе Кремля. Патриаршество, отменённое Петром в семьсот двадцать первом, вернулось.

Фамилия Стадницкого тоже вернётся: через десять лет он снова окажется в списке — уже в другом.

Девятнадцатого января восемнадцатого года Тихон выпустил послание с анафемой гонителям.

Двадцатого января Совнарком принял декрет.

Между избранием патриарха и декретом прошло семьдесят шесть дней. Между посланием и декретом — одни сутки.

ДВАДЦАТОЕ ЯНВАРЯ

Комиссию собрали одиннадцатого декабря тысяча девятьсот семнадцатого года. В неё вошли нарком просвещения Анатолий Луначарский, юристы Наркомюста Пётр Красиков и Пётр Стучка, профессор Михаил Рейснер. Консультантом позвали священника Галкина.

Совнарком принял декрет двадцатого января. Двадцать первого его напечатали «Правда» и «Известия». Двадцать третьего он вышел в правительственной газете — эту дату и ставят на документе.

Ленин потребовал, чтобы под текстом подписались все наркомы, присутствовавшие на заседании. Плюс управляющий делами Совнаркома Владимир Бонч-Бруевич.

Тринадцать статей. Первая — одна строка об отделении.

Разрыв находился дальше.

Двенадцатая статья лишала религиозные общества прав юридического лица. Тринадцатая объявляла всё их имущество народным достоянием.

К тринадцатой Ленин собственноручно добавил оговорку: здания и предметы, нужные для богослужения, передаются в бесплатное пользование.

Эти две строки и есть механизм всего советского века.

Церковь не запрещали. Её лишали способности владеть.

Организация, которая не может быть собственником, не может содержать школу, нанять сторожа, застраховать крышу, заключить договор от собственного имени. Она может только просить.

ЧТО ЗАКОНЧИЛОСЬ НА САМОМ ДЕЛЕ

До революции Православная российская церковь была ведомством. Она регистрировала рождения, браки и смерти, держала школы, получала содержание из казны и управлялась через синодальную систему.

Декрет снял это устройство целиком.

Запись актов гражданского состояния перешла гражданской власти. Преподавание вероучения в государственных и общественных школах прекращалось. Обязательные сборы в пользу церквей отменялись.

В этой части решение отвечало реальной задаче. Гражданин переставал зависеть от сословия и прихода. Принадлежность к вере переставала быть условием правового статуса.

Равноправие конфессий стало возможным именно тогда, когда православие потеряло положение господствующей религии.

Это не мелочь и не уступка. Империя без сословной религии — другая страна.

ДВАДЦАТЬ ЧЕЛОВЕК

Двадцать четвёртого августа тысяча девятьсот восемнадцатого года Наркомюст выпустил инструкцию — тридцать пять пунктов в шести разделах. Она превратила формулу «бесплатное пользование» в процедуру.

Местный Совет принимал храм по описи и передавал его группе не менее чем из двадцати совершеннолетних жителей.

Так появилась «двадцатка».

Храмом больше не владела ни епархия, ни общероссийская Церковь. Его принимали двадцать конкретных граждан — они отвечали за сохранность, отопление, ремонт и страхование и обязаны были вернуть здание по требованию власти.

Богослужение сохранялось. Единство дробилось.

Епископ оставался носителем канонической власти. Но материальный узел прихода был связан договором не с ним, а с исполкомом.

Через сорок три года Хрущёв достанет этот механизм из ящика и включит заново. К нему мы вернёмся в восьмом материале.

МОДЕЛЬ БЫЛА ОБЩЕЙ

Августовская инструкция перечисляла православных, старообрядцев, католиков, армяно-григориан, протестантов, иудеев, мусульман и буддистов-ламаистов. Государство строило одну систему для всех.

Здесь была сильная сторона решения: власть отказалась делить граждан по вероисповеданию.

Но равенство получили не расширением прав, а одинаковым их изъятием.

Все конфессии уравнили в зависимости от административного разрешения.

ЛИШЁННЫЕ ГОЛОСА

Сам декрет не вводил уголовной ответственности за веру и не создавал особого режима для священника.

Конституция РСФСР от десятого июля тысяча девятьсот восемнадцатого года сделала другое. Монахи и духовные служители культов попали в список лиц, лишённых избирательных прав. Рядом стояли частные торговцы, лица с нетрудовым доходом и служащие прежней полиции.

Три решения нельзя сваливать в одну формулу.

Январский декрет изменил положение организаций. Июльская Конституция ограничила политические права духовенства. Августовская инструкция создала механизм пользования зданиями.

Разные субъекты, разные функции — один результат.

ЧТО ЗДЕСЬ НЕВЕРНО

Расхожая формула «в восемнадцатом году запретили религию» не выдерживает текста. Декрет прямо оставлял свободу религиозных и

антирелигиозных убеждений, разрешал обряды и частное преподавание веры.

Обратная формула — «это была обычная секуляризация» — не выдерживает двенадцатой и тринадцатой статей.

Во французском законе тысяча девятьсот пятого года религиозная ассоциация теряла привилегию, но оставалась юридическим лицом и собственником своего имущества.

Здесь отняли не привилегию. Отняли способность существовать самостоятельно.

Тихон не принял эту модель как нейтральную. Его позиция была позицией стороны, терявшей имущество, — и спор был реальным: кому принадлежит святыня, Церкви как историческому субъекту или государству как выразителю народной собственности.

КАРКАС ПЕРЕЖИЛ ВСЕ КУРСЫ

Восьмого апреля тысяча девятьсот двадцать девятого года постановление ВЦИК и Совнаркома РСФСР «О религиозных объединениях» закрепило регистрацию обществ и групп верующих. «Двадцатка» стала основной единицей прихода.

В сорок третьем государство разрешит патриарха, Синод, духовные школы и журнал. Имущественная основа восемнадцатого года сохранится.

При Хрущёве тот же механизм позволит массово снимать общины с учёта. Закон менять не понадобится.

Только первого октября тысяча девятьсот девяностого года Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях» вернёт религиозным организациям права юридического лица и собственности.

Семьдесят два года на один пункт.

ТОТ, КТО УШЁЛ ПЕРВЫМ

Между маем и июлем восемнадцатого года Михаил Галкин публично заявил о разрыве с Церковью. С девятого мая он уже числился в ликвидационном отделе Наркомюста.

Он не был подставным лицом с придуманной биографией. Он двенадцать лет служил, знал устройство изнутри — и именно поэтому был ценен комиссии.

Государство отняло у Церкви имущество, школу и правоспособность. Оно не могло отнять веру у тех, кто продолжал крестить детей и отпевать умерших.

Первым, кого оно у Церкви действительно забрало, был её собственный священник.

Тринадцать статей определили, чем Церковь больше не владеет. А кому принадлежит храм, в котором служил Галкин, — государству, двадцати гражданам по описи или тем, кто в нём молился?

Первый материал сезона «Вера», всего 10.

В следующий раз — изъятие церковных ценностей: расстрел в Шуе, письмо Ленина от девятнадцатого марта и четыре голоса против трёх в Политбюро.

Десятое мая, два часа ночи

№ в серии: 213 из 233 · № в сезоне: 2 из 10 · Сезон: 19 «Вера» · Часть: I «Лишить Церковь облоочки» · Дзен: 12.11.2027 · ЖЖ: 12.11.2027 · Заставка: s19_02.png · Теги: Историческая Россия, вера, церковные ценности, голод 1921–1922 годов, Ленин, Шуя, митрополит Вениамин

Пятнадцатого марта тысяча девятьсот двадцать второго года комиссия по изъятию пришла в Воскресенский собор Шуи. На площади стояли верующие.

Стрельба закончилась четырьмя убитыми и десятью ранеными среди собравшихся. Двадцать шесть красноармейцев были избиты, двое из них тяжело.

Через тридцать семь дней в Иваново-Вознесенске открылась выездная сессия Верховного революционного трибунала. Судили в помещении Советского драматического театра.

Председательствовал бывший священник Михаил Галкин. Тот самый — консультант комиссии, писавшей декрет восемнадцатого года. Тринадцатого марта, за двое суток до Шуи, его ввели в московскую губернскую комиссию по изъятию церковных ценностей.

ЦЕРКОВЬ НЕ ОТКАЗЫВАЛАСЬ ПОМОГАТЬ

Голод был настоящим. Помощь требовалась немедленно.

Патриарх Тихон обращался к православным России и зарубежья с призывом собирать продовольствие и деньги. Церковный комитет помощи голодающим начал работу до обязательного изъятия. Тихон разрешил жертвовать драгоценные предметы, не имевшие богослужебного употребления.

Спор возник не об обязанности спасать людей.

Он возник о праве изымать сосуды, участвующие в богослужении.

Для Церкви их назначение не сводилось к весу серебра. Для государства, уже объявившего церковное имущество народным

достоянием, критерий был иным: можно ли забрать предмет без существенного ущерба самому культу.

Две системы определения ценности столкнулись в одном храме.

ПРОЦЕДУРА СУЩЕСТВОВАЛА

Двадцать третьего февраля ВЦИК постановил изъять церковные ценности для помощи голодающим.

Комиссии должны были работать по описи, составлять акты, сдавать изъятые в государственные хранилища. Представители верующих могли присутствовать.

Тринадцатого марта ВЦИК разрешил в исключительных случаях заменять конкретную святыню равным по весу количеством металла в других изделиях.

Значит, перед нами не стихийный грабёж, объявленный правом. Государство строило учёт и допускало ограниченный размен.

Но решение принимал не приход и не епископ. Что именно подлежит изъятию, определяла комиссия, опиравшаяся на власть.

Конфликт был заложен в самой процедуре.

ЧЕТВЕРО СУТОК

Пятнадцатого марта — стрельба в Шуе.

Девятнадцатого марта — строго секретное письмо Ленина Молотову для членов Политбюро.

Между этими датами четверо суток. Их и стоит держать в уме, читая обе стороны спора.

После Шуи Политбюро сначала обсуждало возможность притормозить изъятия там, где кампания подготовлена плохо. Продолжение в предельно жёсткой форме не вытекало из февральского декрета автоматически.

Решение принял человек.

ЧТО НАПИСАЛ ЛЕНИН

Он потребовал провести изъятие «самым решительным и самым быстрым образом». Рассчитывал на фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей и связывал его с хозяйственным строительством и позицией Советской России на Генуэзской конференции.

Прогноз не равен итоговой бухгалтерии. Но горизонт задачи он показывает: речь шла не об одном продовольственном фонде.

Главное было в политической части.

Отчаянный голод Ленин считал исключительно благоприятным моментом: крестьянская масса, по его расчёту, духовенство не поддержит. Он требовал арестов, показательного процесса и таких приговоров, чтобы «на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать».

Это не поздняя интерпретация противников большевизма. Это формулировка председателя Совнаркома во внутреннем документе для Политбюро.

Публичный язык помощи и закрытый язык политической операции существовали одновременно.

ТРОЕ

Суд шёл с двадцать первого по двадцать пятое апреля.

К расстрелу приговорили троих: протоиерея Павла Светозарова, иерея Иоанна Рождественского и мирянина Петра Языкова.

Второго мая приговор обсуждало Политбюро. Четыре голоса за исполнение — Ленин, Троцкий, Сталин, Молотов. Три против — Рыков, Томский, Каменев.

Разрыв в один голос.

Десятого мая в два часа ночи приговор привели в исполнение.

От стрельбы в Шуе до казни прошло пятьдесят шесть дней. От приговора до расстрела — пятнадцать.

Пятнадцать суток — это ровно тот срок, за который бумага доходит из Иваново-Вознесенска в Москву и обратно. Приговор ждал не апелляции.

Он ждал голосования.

ПЕТРОГРАД, НОЧЬ НА ТРИНАДЦАТОЕ АВГУСТА

Летом суд повторили в большем масштабе. Петроградский процесс шёл с десятого июня по пятое июля. Обвиняемых было восемьдесят семь.

К расстрелу приговорили десятих. Шестерым высшую меру заменили пятью годами тюрьмы.

В ночь на тринадцатое августа расстреляли четверых: митрополита Петроградского Вениамина Казанского, архимандрита Сергия Шеина, профессора Юрия Новицкого и присяжного поверенного Ивана Ковшарова.

Место казни точно не установлено. Чаще других называют станцию Пороховые Ириновской железной дороги, восточнее Петрограда. Здесь источник молчит, и достраивать его нечем.

Главным свидетелем обвинения выступал священник Александр Введенский. Через год он будет среди тех, кто лишит патриарха Тихона сана.

Эта фамилия здесь не последняя.

ТИХОНА НЕ ТРОНУЛИ

Самого патриарха тогда не расстреляли. Его изолировали, установили наблюдение за окружением и готовили обвинение.

Руководство различало фигуру общероссийского предстоятеля и людей, на которых можно обрушить судебный удар немедленно.

Расстрелять сельского протоиерея — эпизод. Расстрелять патриарха — событие, которое придётся объяснять и внутри страны, и в Генуе.

Это различие и есть доказательство, что операция была политической, а не бухгалтерской. Металл в Шуе и металл в патриаршей ризнице весит одинаково. Фамилии — нет.

ГДЕ ЗДЕСЬ ГРАНИЦА

В стране катастрофического голода государство обязано было искать металл, валюту и зерно. Церковь располагала ценностями, накопленными поколениями. Сам по себе этот расчёт не доказывает религиозной ненависти.

Граница проходит там, где гуманитарный кризис сознательно превращают в средство разгрома независимого общественного центра.

Изъять ресурс — одно решение. Использовать слабость голодающего общества для массовых процессов и долговременного подавления института — другое. Девятнадцатого марта их соединили в одной операции.

Поэтому неверно и «ценности забрали исключительно для голодающих», и «голод был только предлогом».

Первая формула не читает письмо. Вторая не видит голода, комиссий помощи и церковного сбора средств.

ЧЕГО МЫ НЕ ЗНАЕМ

Кто первым открыл огонь на площади в Шуге, документально не установлено.

Советские сообщения говорят о выстрелах из толпы и нападении на представителей власти. Церковная память — о расстреле защитников храма.

Для вывода достаточно установленного минимума: массовое сопротивление, применение военной силы, четверо убитых.

Остальное каждая сторона достраивала под свою задачу. Поэтому проверять надо не рассказ о площади, а даты и голосования.

Государство получило ценности и приговоры. Через месяц после расстрела в Иваново-Вознесенске оно получило и то, чего не планировало, — раскол внутри самой Церкви.

Четыре голоса против трёх решили судьбу трёх человек. Если бы Каменев убедил ещё одного — изменилась бы политика или только фамилии в приговоре?

Второй материал сезона «Вера», всего 10.

В следующий раз — обновленчество: трое священников у патриарха двенадцатого мая, записка Тучкова и церковная власть, которую нельзя выдать по описи.

Двенадцатого мая к патриарху пришли трое

№ в серии: 214 из 233 · № в сезоне: 3 из 10 · Сезон: 19 «Вера» · Часть: I «Лишить Церковь оболочки» · Дзен: 14.11.2027 · ЖЖ: 14.11.2027 · Заставка: s19_03.png · Теги: Историческая Россия, вера, обновленчество, Живая церковь, ГПУ, Александр Введенский, Антонин Грановский, Евгений Тучков

Двенадцатого мая тысяча девятьсот двадцать второго года к патриарху Тихону пришли трое петроградских священников: Александр Введенский, Владимир Красницкий и Евгений Белков.

Патриарх находился под домашним арестом. Связь с епархиями была ограничена. Через несколько дней созданное этими людьми Высшее церковное управление объявило себя новым центром Русской церкви — и государство его признало.

Введенского вы уже встречали. Летом он выступит главным свидетелем обвинения на процессе митрополита Вениамина.

Вопрос не в том, кто придумал обновленцев. Вопрос в том, как внутреннее меньшинство получило административную власть над Церковью — и почему не смогло превратить её в легитимность.

ДО РЕВОЛЮЦИИ

В начале века часть православного духовенства требовала соборности, самостоятельности прихода и расширения прав белого духовенства.

Петербургская «группа тридцати двух» обсуждала это ещё в первую русскую революцию. После февраля семнадцатого возник Союз демократического православного духовенства и мирян, одним из заметных участников которого был Введенский.

Это не были сотрудники тайной полиции, придумавшие себе богословскую программу по заданию.

За реформой стояли настоящие конфликты: между женатым и монашествующим духовенством, между приходом и епископской

вертикалью, между сторонниками литургических изменений и защитниками традиции.

Поместный собор семнадцатого — восемнадцатого годов восстановил патриаршество и сам провёл крупную реформу. Радикальная программа будущих обновленцев общецерковной нормой не стала.

Материал для раскола существовал внутри института. Государство смогло его использовать именно потому, что трещины были настоящими.

ВЕСНА ДВАДЦАТЬ ВТОРОГО

Весной двадцать второго Введенский, Красницкий, Александр Боярский и другие представители «прогрессивного духовенства» поддержали изъятие и обвинили патриаршее руководство в политическом сопротивлении.

Их позиция вытекала и из собственного представления о Церкви, совместимой с революционным обществом.

Но среда была заведомо неравной.

Тихону предъявили обвинения, изолировали и лишили возможности управлять епархиями. Реформаторы получили доступ к печати, регистрации и государственным органам.

В таких условиях церковная дискуссия превращается в борьбу, где у одной стороны за спиной принудительный аппарат.

Тихон согласился на временное ведение текущих дел до передачи управления законному преемнику. Обновленцы истолковали это как основание для нового верховного органа.

Формулу временного распоряжения превратили в претензию на всю церковную власть.

ТРИ ПРОГРАММЫ

Высшее церковное управление возглавил епископ Антонин Грановский. Центральные позиции получили Введенский и Красницкий.

У каждого была своя программа.

Антонин стремился к литургическому и административному обновлению и служил по-русски. Красницкий защищал интересы женатого приходского духовенства. Введенский пытался соединить христианство с новым социальным строем.

Общего обновленческого проекта не существовало.

«Живая церковь» Красницкого, Союз церковного возрождения Антонина и Союз общин древлеапостольской церкви Введенского быстро вступили в борьбу между собой.

Это доказывает собственное церковное содержание движения — и одновременно объясняет, почему власти требовался единый управляемый центр вместо конкуренции программ.

Государство признало Высшее церковное управление как удобного контрагента. Задача была не богословская, а политическая: вытеснить патриаршую линию и показать, что лояльная Церковь может существовать без Тихона.

ЗАПИСКА ТУЧКОВА

Церковный вопрос в ГПУ вёл Евгений Тучков.

Документы фиксируют не только наблюдение за конфликтом, но и попытку определить устройство будущего церковного управления. В записке Емельяну Ярославскому от первого марта тысяча девятьсот двадцать третьего года Тучков обсуждал, какую конструкцию должен закрепить предстоящий обновленческий собор.

Этого достаточно, чтобы отказаться от нейтральной формулы «государство лишь зарегистрировало возникшее движение».

Органы ограничивали патриарший центр, поддерживали его конкурента и пытались задать институциональный результат.

ГПУ не создало идеи женатого епископата или приходской реформы. Оно превратило носителей этих идей в инструмент борьбы за верховную власть в Церкви.

Разница принципиальна. Происхождение программы было внутренним. Масштаб власти — обеспеченным извне.

СОБОР ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕГО

Весной двадцать третьего обновленческий собор разрешил женатый епископат и второбрачие духовенства, выразил поддержку советской власти и постановил лишить Тихона сана и монашества.

Сам патриарх этого решения не признал.

Возникли две несовместимые системы легитимности.

У обновленческого центра были здания, зарегистрированные структуры и государственное признание. У патриаршей линии — то, что административно передать невозможно: каноническая преемственность в глазах значительной части архиереев, духовенства и верующих.

ПРИХОДЫ ПОШЛИ ОБРАТНО

В июне Тихона освободили и разрешили служить.

Приходы начали массово возвращаться под его управление. Для одних решающей была каноничность. Для других — неприятие захвата центра под прикрытием государственного давления.

Выяснилось простое. Зарегистрировать орган и сделать его Церковью в глазах церковного народа — не одно и то же.

Никакая опись не передаёт авторитет. Это и есть предел, о который ударились операция.

ЕЩЁ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Закончить историю двадцать третьим годом было бы неверно.

Обновленцы сохранили епископов, приходы, учебные и издательские структуры. Введенский оставался крупной публичной фигурой. Движение пережило Тихона, умершего двадцать пятого марта двадцать пятого года, и просуществовало ещё два десятилетия.

Но государственная поддержка была инструментальной.

В тридцатые годы закрытия храмов и репрессии затронули обновленцев наряду с патриаршим духовенством. Политическая лояльность не давала неприкосновенности.

Советскому государству была нужна не новая богословская Церковь, а управляемость религиозной среды. Когда инструмент переставал выполнять функцию, его не защищали ради его убеждений.

СОРОК ТРЕТИЙ

Решающая проверка наступила во время войны.

Четвёртого сентября тысяча девятьсот сорок третьего года Сталин пригласил в Кремль не обновленческий синод, а митрополитов патриаршей линии — Сергия, Алексия и Николая.

Через четыре дня был избран патриарх. После этого приходы и духовенство обновленческой юрисдикции начали переходить в Московскую патриархию.

Государство, которое в двадцать втором пыталось заменить традиционный центр удобным конкурентом, в сорок третьем признало: для общенациональной задачи нужен институт с исторической преемственностью, а не искусственно усиленное меньшинство.

Административный ресурс мог перераспределить здания и регистрацию. Произвести духовный авторитет он не смог.

ОБЕ ФОРМУЛЫ НЕВЕРНЫ

Назвать обновленчество чистой операцией ГПУ — значит объявить несуществующими реальные внутрицерковные конфликты, которым было двадцать лет.

Назвать его свободной церковной реформацией — значит не заметить, что одну сторону спора держали под арестом.

Движение возникло из подлинных противоречий. Но конкуренция велась в условиях, где у одного участника был патриарх под домашним арестом, а у другого — регистрация и типография.

Результат оказался противоположен замыслу. Чем очевиднее была внешняя опора обновленцев, тем труднее им было доказать собственную церковную легитимность.

Церковный народ мог принять реформу. Он не обязан был признать власть, полученную через изоляцию патриарха.

Двенадцатого мая трое пришли к арестованному человеку за подписью. Через тринадцать месяцев его выпустили — и приходы вернулись к нему сами. Что именно они возвращали: канон, привычку или несогласие с тем, как с ним поступили?

Третий материал сезона «Вера», всего 10.

В следующий раз — Декларация митрополита Сергия: восемь подписей из десяти и цена, за которую церковный центр получил регистрацию.

Восемь подписей из десяти

№ в серии: 215 из 233 · № в сезоне: 4 из 10 · Сезон: 19 «Вера» · Часть: II «Цена сохранённого центра» · Дзен: 16.11.2027 · ЖЖ: 16.11.2027 · Заставка: s19_04.png · Теги: Историческая Россия, вера, митрополит Сергей, Декларация 1927 года, Иосиф Петровых, соловецкие епископы, РПЦЗ

Двадцать девятого июля тысяча девятьсот двадцать седьмого года митрополит Сергей Страгородский и члены Временного Патриаршего Священного Синода подписали послание к архипастырям, пастырям и верным чадам Церкви.

Членов Синода было десять. Подписали восемь.

Архиепископ Костромской Севастиан Вести болел. Митрополит Новгородский Арсений Стадницкий находился в ссылке — тот самый Арсений, чьё имя десять лет назад лежало в урне рядом с именем Тихона.

Среди подписавших был архиепископ Хутынский Алексей Симанский. Через восемнадцать лет он станет патриархом.

ФОРМУЛА

Документ не менял вероучение и не признавал советский атеизм христианской истиной.

Он устанавливал политическую формулу существования Церкви в СССР: Советский Союз — гражданская Родина православных, его успехи должны восприниматься как их успехи, а неудачи — как их неудачи.

Спор возник не о том, соблюдать ли законы.

Спор возник о том, может ли Церковь отождествить свою общественную судьбу с государством, которое её ограничивает.

СЕМЬДЕСЯТ ДНЕЙ

После смерти Тихона церковное управление держалось на волоске.

Патриарший местоблюститель митрополит Пётр Полянский был заключён. Сергей исполнял обязанности его заместителя, сам проходил

через арест и добивался регистрации центрального органа.

Двадцатого мая двадцать седьмого года НКВД выдал справку о временной регистрации Синода. Двадцать седьмого мая Синод провёл первое заседание.

Для государства появлялся официальный контрагент. Для Сергея — возможность сохранить связь епархий, рукоположения и назначения.

Без такого центра Церковь распалась бы на местные линии, подпольные общины и конкурирующие юрисдикции.

Это был сильнейший довод в пользу компромисса. Сергей боролся не за привилегию и не за возвращение собственности. Он удерживал институциональное целое там, где сама легальность аппарата зависела от решения власти.

От регистрации до Декларации прошло семьдесят дней.

СТЕПЕНЬ, А НЕ ПРЕДМЕТ

Тихон прежде уже заявлял, что Церковь не ведёт политической борьбы с советской властью.

Епископы, заключённые на Соловках, тоже считали допустимыми гражданскую лояльность, соблюдение законов и отказ духовенства от заговоров.

Значит, июль двадцать седьмого не разделил Церковь на верных государству и его противников. Новизна была в степени.

Сергей предложил не только подчиняться законной власти, но и соединить общественные радости и бедствия Церкви с успехами и неудачами Советского государства.

Это выводило православных из положения подозреваемого внутреннего врага. И одновременно требовало моральной солидарности с системой, внутри которой давление на верующих продолжалось.

Сторонники Сергея видели гражданское единство народа. Противники — подмену верности Отечеству верностью режиму.

Обе стороны опирались на реальную часть текста.

ГРАНИЦА ВНУТРИ ЦЕРКВИ

Декларация требовала от духовенства за границей письменного обязательства полной лояльности Советскому правительству в общественной деятельности.

Не давшие обязательства должны были выйти из подчинения московскому центру.

Для епископов и священников эмиграции это означало либо отказаться от антисоветской публичной позиции, либо прекратить административную связь с Москвой.

Архиерейский синод Русской православной церкви за границей отказался принять условие и осенью двадцать седьмого разорвал отношения с управлением Сергия.

Так государственная граница вошла внутрь единой церковной преемственности.

Московский центр доказывал, что не является политическим штабом эмиграции. Зарубежная часть отвечала, что свободное церковное волеизъявление невозможно под контролем советских органов.

Обе стороны говорили правду о собственном положении.

СОЛОВКИ И ЛЕНИНГРАД

Ответ соловецких епископов важен именно этим. Они признавали обязанность гражданской лояльности и недопустимость заговоров духовенства.

Их возражение касалось отождествления Церкви с политическими успехами власти и практических последствий нового курса. Критический отзыв составил епископ Василий Зеленцов.

Конфликт усилился после указа о поименовании государственной власти и кадровых перемещений.

Тринадцатого сентября двадцать седьмого года митрополита Иосифа Петровых перевели из Ленинграда в Одессу. Он отказался принять перевод.

Двадцать шестого декабря Иосиф объявил об отделении от Сергия. Вместе с ним каноническое общение прекратили епископы Димитрий Любимов и Сергий Дружинин.

Иосифлянское движение видело в кадровой политике центра проникновение государственного управления в каноническую область. Сторонники Сергия считали отказ от его власти дорогой к новому расколу.

Это был спор о допустимой цене единства, а не арифметическое деление на героев и приспособленцев.

БЕЗОПАСНОСТИ НЕ БЫЛО

Регистрация Синода и Декларация не остановили репрессии.

В тридцатые арестовывали архиереев и священников, подчинявшихся Сергию. Среди подписантов послания были и те, кто погиб: епископ Сумский Константин Дьяков и архиепископ Самарский Анатолий Грисюк причислены к священномученикам.

Государство приняло политическую лояльность как необходимое условие. В гарантию неприкосновенности оно её не превратило.

Этот факт делает оценку Сергия трагической. Он заплатил реальную нравственную и внутрицерковную цену и не получил обещанной безопасности.

Но из этого не следует, что решение было бессмысленным. Сохранилась линия центрального управления, которая в сорок третьем стала восстановленным патриаршеством.

История не дала Сергию чистого выбора между свободой и капитуляцией. Выбор был между зависимым легальным центром, множеством разорванных общин и уходом церковной жизни в подполье.

КТО НАПИСАЛ ТЕКСТ

Государство контролировало регистрацию, кадровую возможность и свободу самих архиереев. Принуждение не требует фантазии: оно видно в положении сторон.

Но под Декларацией стояли восемь подписей, а не одна. Документ был коллективным актом Синода.

Утверждать без источника, будто сотрудник ОГПУ продиктовал каждую строку, оснований нет. Важнее установленное: церковное руководство формулировало позицию внутри коридора, созданного силой государства.

Оно обладало авторством текста и не обладало свободой среды.

Так же неточно превращать слово «сергианство» в нейтральный научный термин. Оно возникло в полемике противников курса и несёт их оценку.

Факт в другом: Сергей сделал сохранение единого центра высшей практической задачей и принял ради неё формулу, расколовшую церковную среду.

ВОЙНА

В сорок первом церковный центр Сергея с первого дня выступит в защиту страны.

Здесь формула гражданской Родины получит содержание, которое невозможно свести к лояльности аппарату. Церковь будет обращаться к верующим, собирать средства на оборону и благословлять сопротивление захватчику.

Четвёртого сентября сорок третьего Сталин встретится именно с Сергием и двумя другими митрополитами патриаршей линии.

Государству понадобится общенациональный церковный субъект с исторической преемственностью. Сохранённый под давлением центр окажется способен выполнить функцию, ради которой его удерживали.

Это не оправдывает каждое решение двадцать седьмого года задним числом. Но показывает его исторический результат.

Сергий не обеспечил Церкви свободу. Он сохранил возможность говорить и действовать как единое целое тогда, когда государство изменило курс.

Через десять лет после Декларации государственная перепись покажет, что сохранился не только аппарат.

Восемь человек подписали текст, за который их потомкам до сих пор предъявляют счёт. Двое не подписали — один по болезни, другой из ссылки. Что мы вправе считать позицией: подпись, её отсутствие или обстоятельства, в которых её ставили?

Четвёртый материал сезона «Вера», всего 10.

В следующий раз — перепись тридцать седьмого года: пятьдесят пять миллионов взрослых назвали себя верующими при уже разрушенной церковной сети.

Пятьдесят пять миллионов сказали это переписчику

№ в серии: 216 из 233 · № в сезоне: 5 из 10 · Сезон: 19 «Вера» · Часть: II «Цена сохранённого центра» · Дзен: 18.11.2027 · ЖЖ: 18.11.2027 · Заставка: s19_05.png · Теги: Историческая Россия, вера, Всесоюзная перепись населения 1937 года, Валентина Жиромская, религиозность, церковная инфраструктура

Шестого января тысяча девятьсот тридцать седьмого года советский переписчик приходил в дом с бланком, где пятый вопрос назывался «Религия».

Его задавали каждому, кому исполнилось шестнадцать. Человек должен был сказать, верующий он или нет, — и если верующий, назвать исповедание.

Отвечали не приходскому священнику и не анонимному социологу. Отвечали представителю государства, которое девятнадцать лет объясняло, что религия отмирает.

Пятьдесят пять миллионов двести семьдесят восемь тысяч человек назвали себя верующими.

КТО ЭТО ПОСЧИТАЛ

Материалы переписи объявили дефектными и засекретили. Разбирать их по первичным документам стали только через полвека.

Основную работу по религиозному вопросу проделала историк-демограф Валентина Жиромская. Её расчёты и дают тот ряд цифр, которым сегодня пользуются все стороны спора.

Это важно оговорить сразу. Речь не о церковном предании и не о позднем публицистическом счёте. Речь о ведомственных бланках, пролежавших в архиве пятьдесят лет.

ПЯТЫЙ ВОПРОС

Записывать полагалось не происхождение семьи, не факт крещения в детстве и не прежнюю принадлежность.

Человек называл нынешнее отношение к религии.

Отсюда первое ограничение: вопрос задавали только с шестнадцати лет, и результат нельзя переносить на всё население вместе с детьми.

Отсюда же первая поправка к расхожей формуле. «Две трети населения СССР были верующими» — неверно. Верно другое: пятьдесят шесть и семь десятых процента ответивших взрослых.

Уточнение знаменателя результат не ослабляет. Больше половины взрослых открыто подтвердили религиозную принадлежность государству, которое её не одобряло.

СОРОК ДВА И ДВА

Неверующими назвали себя сорок два миллиона двести сорок три тысячи человек.

Около девятисот тысяч содержательного ответа не дали.

Православными записался сорок один миллион шестьсот двадцать одна тысяча человек — примерно три четверти всех верующих. Мусульманами — более восьми миллионов двухсот тысяч.

Перепись зафиксировала также католиков, протестантов, иудеев, буддистов и представителей других религий.

Советское общество тридцать седьмого года было не только массово религиозным. Оно было конфессионально сложным.

КТО ВЕРИЛ

Здесь цифры Жиромской разрушают удобную картинку «верующие — это неграмотные старухи».

Среди ответивших мужчин неверующих было пятьдесят пять и две десятых процента. Среди женщин — тридцать три и пять десятых.

Среди грамотных неверующие давали пятьдесят пять с половиной процентов. Среди неграмотных верующие — восемьдесят четыре с

половиной.

По возрасту: в группах от шестнадцати до тридцати девяти лет преобладали неверующие, после пятидесяти — верующие.

То есть возраст, пол и грамотность действительно работали. Но работали как склон, а не как стена.

Государство увидело не исчезающий остров прошлого. Оно увидело огромный слой собственного общества, в котором были и молодые, и грамотные, и городские.

Ответы могли искажаться, и это надо сказать прямо.

Одни боялись, что признание веры обернётся налогом, увольнением или арестом. Другие надеялись на обратное: если верующих окажется много, разрешат открыть храмы.

Перепись не была тайным голосованием. Сам факт вопроса порождал слухи по деревням.

Но любое предположение об искажении начинается с установленной цифры.

Пятьдесят пять миллионов человек решили назвать себя верующими в официальном государственном документе. Даже если часть неверующих отвечала по семейной привычке, а часть верующих смолчала, перед нами массовое самоопределение.

Объяснить его остатком нескольких приходов и усилиями духовенства невозможно.

Ведомственный учёт религиозной инфраструктуры давал картину прямо противоположную.

На первое апреля тридцать шестого года государственные органы числили пятнадцать тысяч восемьсот тридцать пять действующих православных храмов. Это была уже резко сокращённая сеть.

В тридцать седьмом и тридцать восьмом закрытия и репрессии продолжились. К началу войны на территории довоенных границ действующих церквей оставались сотни.

После присоединения западных областей общее число приходов выросло за счёт территорий, не прошедших через советское сжатие. Поэтому статистику до и после тридцать девятого нельзя сравнивать без поправки на границы.

Перепись и учёт измеряли разные вещи. Первая — личное самоопределение. Второй — зарегистрированные здания, общины и служителей культа.

Пятьдесят пять миллионов верующих не означали пятидесяти пяти миллионов регулярных прихожан.

Но несколько тысяч храмов не означали, что вера сохранилась у нескольких тысяч церковных активистов.

ОРГАНИЗАЦИЯ И ПАМЯТЬ

В годы Большого террора духовенство и активные миряне шли по обвинениям в антисоветской агитации, контрреволюционной организации, повстанчестве и связях с эмиграцией.

Ведомственная категория «церковники и сектантские активисты» была шире православного духовенства. В неё попадали представители разных конфессий, старосты и миряне.

Поэтому нельзя механически пользоваться популярными общесоюзными цифрами, где каждый «церковник» превращён в священника, а каждый осуждённый — в человека, пострадавшего только за веру. Точный счёт требует работы по категориям и делам.

Но отказ от недоказанной суммы не отменяет масштаба. Церковная инфраструктура была разгромлена, значительная часть духовенства арестована или уничтожена, легальное воспроизводство кадров почти остановлено.

Государство могло снять общину с регистрации и ликвидировать духовную школу быстрее, чем изменить обряд рождения и смерти, семейную память и представление о грехе и жертве.

Организация сжималась административно. Вера продолжала передаваться вне института.

ТЕ, КТО ЗАДАВАЛ ВОПРОС

За результат ответили не верующие.

Перепись насчитала около ста шестидесяти двух миллионов жителей — на несколько миллионов меньше, чем ожидало руководство. Религиозный ответ был не единственной неудобной цифрой и не главной.

Перепись готовило Центральное управление народнохозяйственного учёта. Его начальника Ивана Краваля и руководителя переписного бюро Олимпия Квиткина расстреляли. Лазарь Брандгендлер и Михаил Курман получили лагерь.

Курман оставил тюремные воспоминания. Из них видно, что он до конца считал себя наказанным за одно — за отказ подправить цифру.

Перепись прошла шестого января. К осени тридцать седьмого её организаторов уже разбирали как вредителей.

Восемь месяцев между переписным листом и приговором тем, кто его составлял.

ОТМЕНИЛИ НЕ ЗА ЭТО

Итоги объявили дефектными, организаторов обвинили во вредительстве, значительную часть материалов засекретили.

Главным конфликтом руководства со статистиками были общая численность населения, демографические потери и методика учёта. Утверждать, что перепись отвергли исключительно из-за религиозного результата, оснований нет.

Но этот результат безусловно противоречил идее быстрого отмирания религии.

Два десятилетия административного и идеологического давления не превратили большинство взрослых в заявленных неверующих. Советский

проект изменил социальную структуру, образование и публичный язык — и не получил обещанной победы над верой.

Здесь количественный документ становится историософским. Государство считало, что старый институт лишён материальной базы. Перепись показала: цивилизационная традиция не совпадает с балансом зарегистрированных учреждений.

ВЕРУЮЩИЙ И СОВЕТСКИЙ

Пятьдесят пять миллионов не были пятьюдесятью пятью миллионами политических противников СССР.

Эти люди работали на советских предприятиях, служили в Красной армии, вступали в колхозы, учили детей в советской школе — и одновременно сохраняли религиозное самоощущение.

Противопоставление «советский человек или верующий» оказалось ложным внутри самой переписи.

Через четыре года значительная часть этих людей будет защищать страну. Православные, мусульмане, иудеи и представители других религий пойдут воевать не за возвращение прежних сословий, а за советскую Родину, которая стала их государством.

Вера и советская государственность могли конфликтовать институционально и соединяться в личной верности Отечеству.

ЧЕГО ДОКУМЕНТ НЕ ДАЁТ

Прямой стрелки от переписи к сорок третьему году провести нельзя.

Нет документа, показывающего, что Сталин положил перед собой таблицу тридцать седьмого года и принял решение из-за неё. Такую причинность надо честно оставить недоказанной.

Установлено другое: государство в целом знало, что религиозность не исчезла. Война сделала это знание практически значимым.

Церковь выступила в защиту страны с первых часов. Митрополит Сергей обратился к пастырям и верующим двадцать второго июня сорок

первого года. Приходы собирали средства, помогали раненым и семьям военнослужащих.

Делать вид, что религиозный институт — только уходящий пережиток, становилось уже не просто неверно. Это становилось государственно нерационально.

Пятьдесят пять миллионов человек сказали переписчику правду о себе, зная, что это записывают. Что тогда мы измеряем этой цифрой — размер веры или размер бесстрашия?

Пятый материал сезона «Вера», всего 10.

В следующий раз — кремлёвская встреча четвёртого сентября сорок третьего года и архиерей, приехавший на Собор из фронтового госпиталя.

Архиерея привезли на Собор из красноярского госпиталя

№ в серии: 217 из 233 · № в сезоне: 6 из 10 · Сезон: 19 «Вера» · Часть: III «Возвращение в государство» · Дзен: 20.11.2027 · ЖЖ: 20.11.2027 · Заставка: s19_06.png · Теги: Историческая Россия, вера, Сталин, митрополит Сергей, Лука Войно-Ясенецкий, патриаршество, Архиерейский собор 1943 года

Восьмого сентября тысяча девятьсот сорок третьего года в Москве собрались девятнадцать архиереев.

Среди них был архиепископ Красноярский Лука — в миру Валентин Войно-Ясенецкий, хирург, консультант эвакогоспиталей края. Человек, прошедший ссылки и продолжавший оперировать раненых.

Ему, как и остальным, дали транспорт. Государство спешило.

Четырьмя днями раньше, вечером четвёртого сентября, Сталин принял в Кремле трёх митрополитов. Разговор шёл час пятьдесят пять минут.

СНАЧАЛА КАРПОВ

До приезда митрополитов Сталин беседовал с полковником государственной безопасности Георгием Карповым, который вёл церковный вопрос.

Спрашивал о возрасте, положении и авторитете иерархов. О числе епископов и приходов. О состоянии зарубежного православия. Об отношении духовенства к советской власти.

Это не похоже на внезапное озарение или частную религиозную сентиментальность.

Руководитель государства собирал картину института, который собирався вернуть в публичную систему.

Одновременно он определял механизм контроля: между правительством и церковным руководством должен был появиться специальный Совет, а Карпов — стать его председателем.

Поворот четвёртого сентября не был уступкой, вырванной у власти одной ночной просьбой. Конструкцию продумали до встречи.

НЕ ДОЛЖНОСТЬ

В Кремль приехали Сергей Страгородский, Алексей Симанский и Николай Ярушевич. Со стороны государства присутствовали Сталин, Молотов и Карпов.

Сергей поставил вопрос о созыве Собора, избрании патриарха и образовании Синода. Обсуждались духовное образование, собственный журнал, открытие приходов, положение духовенства и помещение для центрального управления.

Это был пакет восстановления института, а не одна почётная должность.

Сталин ответил, что правительство не возражает.

Когда Сергей предположил, что на созыв архиереев уйдёт около месяца, Сталин спросил, нельзя ли проявить «большевистские темпы».

Дали транспорт. Собор назначили на восьмое сентября.

Восемнадцать лет без патриарха — и четверо суток на созыв.

КТО ОТКРЫЛ ДВЕРЬ

После десятилетий ограничений препятствия сняли за несколько дней. Потому что распоряжение исходило с вершины государства.

Но патриарха не назначили постановлением Совнаркома. Его избрали архиереи.

Государство создало возможность. Церковь придала решению каноническую форму.

Это различие определит всё дальнейшее: власть могла открыть дверь и закрыть её, но не могла войти внутрь и совершить таинство вместо иерархии.

ПРЕЖНИЙ РАСЧЁТ

В двадцать втором советская власть пыталась ослабить патриарший центр через обновленчество. Мы разбирали это в третьем материале сезона.

В сорок третьем она выбрала противоположное: признала именно патриаршую линию, опиравшуюся на преемственность Тихона и Сергия.

Обновленческий центр оказался государству не нужен.

Это было признание не богословской истины, а институциональной реальности. Административная поддержка не сделала обновленцев носителями общенародного авторитета. Сергей, сохранявший центр в самых тяжёлых условиях, этой легитимностью обладал.

Сталин не стал строить новый квазицерковный аппарат. Он восстановил исторический.

Способность пересмотреть собственную линию и отличает государственное решение от идеологического упрямства.

ОБЩАЯ РОДИНА

Церковь выступила в защиту страны с первого дня.

Обращение Сергия от двадцать второго июня сорок первого года говорило не языком вынужденного протокола, а языком исторической России: православный народ призывали встать на защиту священных границ Отечества.

Приходы собирали средства на танковую колонну имени Дмитрия Донского, помогали фронту, раненым и семьям бойцов.

На встрече Сталин прямо сказал, что правительство знает о патриотической работе Церкви и получает одобрительные письма с фронта и из тыла.

Это установленный мотив решения, а не догадка.

Сводить поворот к желанию понравиться западным союзникам — значит не понимать масштаба войны. Внешнеполитический расчёт существовал. Но он не объясняет, зачем государству понадобились патриарх, Синод, духовные школы, журнал и новые приходы внутри страны.

Сталин включал Церковь в мобилизацию собственного народа.

ВОСЬМОЕ СЕНТЯБРЯ

Девятнадцать архиереев избрали Сергия Патриархом Московским и всея Руси и образовали Священный Синод.

Постоянными членами стали митрополиты Алексей Симанский и Николай Ярушевич, архиепископ Сергей Гришин. Временными — архиепископы Алексей Палицын, Лука Войно-Ясенецкий, Иоанн Соколов и протоиерей Николай Колчицкий.

Двенадцатого сентября состоялась интронизация. Возобновился выпуск «Журнала Московской Патриархии». Двадцать восьмого ноября разрешили открыть богословский институт и пастырские курсы.

Обратите внимание на состав. Алексей Симанский шестнадцать лет назад поставил подпись под Декларацией. Лука приехал из госпиталя. Оба оказались в одном Синоде.

Для Церкви это означало восстановление кадрового, информационного и управленческого контура. Патриархия снова могла говорить от имени единой структуры, готовить духовенство, держать связь епархий и вести внешние отношения.

Она переставала быть суммой терпимых местных общин.

Сталин не «вернул веру» — вера никуда не исчезала. Он вернул церковной жизни общегосударственную институциональную форму.

НИ СЛИЯНИЯ, НИ СВОБОДЫ

Декрет восемнадцатого года не отменили.

Храмы не вернулись в собственность Церкви. Регистрация общин и государственное разрешение на открытие приходов сохранились. Партийная идеология осталась атеистической, антирелигиозная пропаганда ложной не объявлялась.

Но практическая политика теперь различала идеологическое несогласие с религией и государственную ценность Церкви.

Это не дореволюционная «симфония» и не западная модель независимых корпораций. Это советское контролируемое признание: самостоятельная иерархия и каноническая жизнь внутри жёстко заданного административного коридора.

Именно поэтому рядом с восстановленным патриархом сразу появился Совет Карпова. Через десять дней — но об этом в следующем материале.

ДЛИННЕЕ АВТОРА

Мотив Сталина можно считать прагматическим. Он таким и был.

Но прагматизм не делает результат фиктивным.

Восстановленное патриаршество пережило войну, самого Сталина, хрущёвскую кампанию и Советский Союз. Центральный церковный институт больше не исчезал.

Решение соединило две преемственности. Советское государство признало церковный центр частью собственной воюющей страны. Церковь окончательно связала защиту Отечества не с утраченным имперским строем, а с существующим советским государством.

Декларация двадцать седьмого года получила другое содержание: общей стала не идеология, а судьба Родины.

Этот синтез был частью большого сталинского поворота к исторической России — вместе с возвращением полководцев, офицерских погон и государственного языка войны.

Советская власть не отменила революцию. Она включила дореволюционную глубину в советский патриотизм.

Хирург, оперировавший раненых в Красноярске, был архиепископом, дважды прошедшим ссылку. Через три года государство даст ему Сталинскую премию за книгу о гнойной хирургии. Что изменилось в сорок третьем — отношение власти к вере или её представление о том, из чего состоит собственный народ?

Шестой материал сезона «Вера», всего 10.

В следующий раз — постановление номер девятьсот девяносто три: как государство одновременно восстанавливало церковную сеть и оставляло за собой право определять её предел.

Постановление номер девятьсот девяносто три

№ в серии: 218 из 233 · № в сезоне: 7 из 10 · Сезон: 19 «Вера» · Часть: III «Возвращение в государство» · Дзен: 22.11.2027 · ЖЖ: 22.11.2027 · Заставка: s19_07.png · Теги: Историческая Россия, вера, Совет по делам Русской православной церкви, Георгий Карпов, Молотов, уполномоченные, приходы

Патриарха избрали восьмого сентября тысяча девятьсот сорок третьего года.

Четырнадцатого сентября Совнарком СССР постановлением номер девятьсот девяносто три создал Совет по делам Русской православной церкви.

Шесть дней между двумя документами. Государство вернуло институт и тут же поставило рядом с ним контору.

Председателем стал Георгий Карпов — тот самый полковник государственной безопасности, которого Сталин расспрашивал о епископах накануне кремлёвской встречи.

ЧТО ДЕЛАЛ СОВЕТ

Он не входил в Московскую патриархию и не управлял богослужением. Он стоял между церковным центром и правительством.

Положение определяло его функции: рассматривать вопросы, поставленные патриархом перед правительством; готовить проекты решений; наблюдать за исполнением законодательства о культах; информировать Совнарком о положении Церкви.

Снизу вверх шли обращения патриархии, сведения о приходах, духовенстве, имуществе и настроениях верующих.

Сверху вниз — решения правительства и указания об их исполнении.

Между потоками Совет давал заключение: соответствует ли просьба политике государства и каким образом её проводить.

Церковь, формально отделённая от государства, не могла сама открыть храм, зарегистрировать общину или расширить учебную сеть.

Поэтому постоянный посредник был не технической канцелярией. Он управлял самим коридором допустимого.

ВЕРТИКАЛЬ ДО ОБЛАСТИ

В сорок четвёртом появилась сеть уполномоченных Совета при республиканских правительствах, краевых и областных исполкомах.

Они держали связь с епископами, учитывали храмы и духовенство, проверяли заявления верующих и сообщали в Москву.

В отчётах фиксировались численность приходов, посещаемость богослужений, Пасха, патриотические сборы, конфликты вокруг зданий, поведение священников и действия местной власти.

Регистрация превращала церковную жизнь в видимую сеть.

Каждый день применять силу не требовалось. Информация и разрешение дают более устойчивое управление, чем принуждение.

Приход существовал одновременно в двух системах. Канонически он подчинялся архиерею. Административно — зависел от «двадцатки», договора пользования зданием, исполкома и уполномоченного.

Та самая «двадцатка» из восемнадцатого года. Двадцать пять лет спустя она работала по-прежнему.

ЧЕКИСТ В ГРАЖДАНСКОЙ КОНТОРЕ

Карпов занимался церковными вопросами в органах безопасности и до сорок седьмого года совмещал председательство в Совете со службой в наркомате, а затем министерстве государственной безопасности.

Чекистский опыт имели и некоторые сотрудники нового аппарата. Кадровая преемственность была прямой.

Но сводить Совет к «госбезопасности под другой вывеской» неточно.

У него были собственное положение, гражданская сеть уполномоченных, регистрационные дела, ходатайства и отношения с местными Советами.

Органы безопасности выявляли угрозы и вели оперативную работу. Совет административировал разрешённое церковное пространство.

Контуры соприкасались и не были тождественны. Именно гражданская форма позволила сделать контроль постоянным, документированным и применимым не к подозреваемым, а ко всей легальной инфраструктуре.

ЦЕНТР ОГРАНИЧИВАЛ СВОИХ

После сорок третьего областной или районный руководитель уже не мог по собственному усмотрению закрывать религиозную жизнь вопреки новому курсу.

Карпов спорил с исполкомами, требовал рассматривать заявления верующих и исправлять решения, противоречившие линии центра.

Независимым защитником Церкви это его не делало.

Он защищал решение Сталина и единство государственной вертикали. Если центр признал допустимой определённую сеть приходов, местное начальство не получало права отменить политику собственным антирелигиозным усердием.

Поэтому Совет одновременно ограничивал Церковь и открывал ей пространство, которого прежде не было.

Через него возвращались храмы, создавались богословские курсы, работал патриарший центр. Через него же отклонялись ходатайства и устанавливались пределы.

ТЫСЯЧА ДВЕСТИ СЕМЬДЕСЯТ

В сорок четвёртом — сорок седьмом государство разрешило открыть около тысячи двухсот семидесяти церквей. Большинство поступивших заявлений при этом не удовлетворили.

Молотов предупреждал Карпова: открывать придётся, но торопиться нельзя — сначала собрать заявления и заключения с мест.

Это не свобода, при которой община сама учреждает приход и уведомляет государство.

Но и формула «ничего не изменилось» не выдерживает цифр. Патриаршество, Синод, духовные школы, журнал и новые храмы — материальный поворот.

Просто его масштаб оставался результатом государственного планирования.

Для сталинской системы такая модель была естественной. Она не признавала автономных центров общественной силы вне общего контура. Церковь получала функцию, необходимую стране, и собственную каноническую область — но не суверенитет над инфраструктурой.

СОРОК ПЯТЫЙ: ЖРЕБИЙ ЗАМЕНИЛИ ГОЛОСОВАНИЕМ

Патриарх Сергей умер пятнадцатого мая сорок четвёртого года.

Поместный собор собрали с тридцать первого января по второе февраля сорок пятого. Сто семьдесят один делегат: сорок шесть архиереев, восемьдесят семь клириков, тридцать восемь мирян.

Сравните с семнадцатым годом.

Тогда патриарха определил жребий, вынутый слепым старцем из трёх имён. В сорок пятом голосовали открыто: каждый архиерей вслух произносил формулу, что он, его клир и паства избирают митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия.

Одно имя. Открытый голос. Второго кандидата в процедуре не предусматривалось.

Второго февраля Алексия избрали. Четвёртого — интронизация в Богоявленском соборе в Елохове.

Собор принял «Положение об управлении Русской православной церковью» — сорок восемь пунктов. Оно будет действовать до восьмидесяти восьмью года.

Церковь получила устав. Способ, которым она выбирает предстоятеля, стал прозрачнее и одновременно короче.

МАШИНА НЕ ИМЕЛА ЗНАКА

Открытие храма и его закрытие проходили через одни и те же административные звенья.

Поэтому вешать на Совет одну неизменную моральную этикетку бессмысленно.

При курсе сорок третьего года аппарат расширял легальную церковную жизнь и сдерживал местное самоуправство. При курсе конца пятидесятых тот же аппарат сопровождал массовое снятие приходов с регистрации.

Устойчивой оказалась не степень свободы, а государственная машина допуска.

Политический центр определял задачу. Совет превращал её в инструкции, статистику и решения. Уполномоченный проводил линию в регионе. Исполком оформлял конкретный акт.

Обратным путём навверх шли жалобы, ходатайства, сведения о посещаемости и предложения изменить курс.

Машина позволяла государству работать с Церковью системно. Она же делала её общественный масштаб зависимым от одной команды.

ВЫВЕСКА МЕНЯЛАСЬ, ПРИНЦИП НЕТ

Карпов возглавлял Совет до шестидесятого года.

В декабре шестьдесят пятого Совет объединили с Советом по делам религиозных культов, создав Совет по делам религий при Совете Министров СССР. Специальный православный орган исчез.

Уполномоченные, регистрация, отчётность и согласование сохранились — теперь для всех конфессий.

Только на рубеже девяностых религиозные организации получили полноценную правосубъектность, и разрешительная система начала демонтироваться.

До этого государство могло существенно менять положение Церкви, почти не трогая базовый закон. Достаточно было дать прежнему аппарату другую команду.

ЦЕНА ПРИЗНАНИЯ

Сталин восстановил церковный центр и не создал государства внутри государства.

Совет Карпова стал одновременно ценой и инструментом признания. Через него Церковь вернула часть утраченных функций. Через него же государство сохранило конечное решение о материальном масштабе её присутствия.

Пока политический центр понимал церковную функцию как полезную для единства страны, механизм обеспечивал ограниченное восстановление.

Когда Хрущёв снова объявил религию обречённым пережитком, менять механизм не понадобилось.

Понадобилось развернуть его в обратную сторону.

Шесть дней отделяли избрание патриарха от создания конторы, которая будет решать, сколько у него будет храмов. Что именно государство вернуло Церкви в сорок третьем — самостоятельность или должность в собственной системе?

Седьмой материал сезона «Вера», всего 10.

В следующий раз — хрущёвская кампания: архиерей, успевший построить собор на четыре тысячи человек, и приходская сеть, сократившаяся вдвое при неизменном законе.

Он успел построить собор на четыре тысячи человек

№ в серии: 219 из 233 · № в сезоне: 8 из 10 · Сезон: 19 «Вера» · Часть: III «Возвращение в государство» · Дзен: 24.11.2027 · ЖЖ: 24.11.2027 · Заставка: s19_08.png · Теги: Историческая Россия, вера, Хрущёв, антирелигиозная кампания, Ермоген Голубев, Владимир Куроедов, приходы

Алексей Степанович Голубев, в монашестве Ермоген, был архиепископом Ташкентским и Среднеазиатским с пятьдесят третьего по шестидесятый год.

Он получил разрешение отремонтировать старую церковь — и под видом ремонта построил новый Успенский собор на четыре тысячи молящихся. Богослужения шли всё время стройки.

Когда власти разобрались, храм уже стоял.

Этот человек пройдёт через весь материал. Он единственный из архиереев, кто прямо потребовал отменить решение, которым государство переписало устройство прихода, — и заплатил за это.

ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ

Четвёртого октября тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года ЦК КПСС принял секретное постановление, обязавшее партийные организации развернуть наступление на религиозные пережитки.

Шестнадцатого октября Совет Министров СССР принял первые антицерковные постановления — о монастырях и о налогообложении доходов епархиальных предприятий и монастырских хозяйств.

Декрет восемнадцатого года не отменяли. Совет по делам Русской православной церкви не ликвидировали. Уполномоченные и регистрация остались на местах.

Хрущёвскому руководству не понадобилась новая правовая система.

Оно развернуло против приходов ровно тот механизм, через который при Сталине церковную жизнь восстанавливали.

УДАР ПО ДЕНЬГАМ

Октябрьские постановления усилили налогообложение церковных предприятий и монастырей, ограничили земельную и хозяйственную базу, использование наёмного труда и доходные производства.

Особенно чувствительным был удар по свечному производству — одному из главных источников содержания епархий и приходов.

Задача была не только в изъятии дохода.

Институт лишали способности самостоятельно содержать кадры, монастыри, обучение и здания. Экономическая мера готовила административное сокращение сети.

Сначала у прихода отбирают возможность платить. Потом фиксируют, что приход не справляется.

НЕ ПОВТОР ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОГО

Кампания конца пятидесятых — начала шестидесятых не строилась на массовых расстрелах духовенства.

Её инструментами стали налог, регистрация, закрытие монастыря, прекращение набора в семинарию, передача здания и снятие общины с учёта.

Внешне это выглядело менее насильственным.

Но для конкретного села результат административного решения был вполне материальным. Храм переставал действовать. Священник уезжал. Крестить и отпевать приходилось за десятки километров.

За шестьдесят первый — шестьдесят четвёртый годы более четырёхсот верующих выслали за тунеядство, восемьсот шесть осудили по статьям, связанным с религиозной деятельностью.

В тридцатые государство уничтожало носителей церковной организации. При Хрущёве оно методично уменьшало доступность института.

Различие механизма не означает отсутствия результата.

ЦИФРЫ

За шесть лет, с пятьдесят восьмого по шестьдесят четвёртый, было закрыто свыше четырёх тысяч православных храмов — до семидесяти процентов того, что открыли в сорок первом — пятьдесят четвёртом.

Монастырей в пятьдесят девятом числилось шестьдесят три вместе со скитами. К середине шестидесятых осталось шестнадцать.

Семинарий было восемь. Стало три, две из них при академиях.

Священников к шестьдесят первому году насчитывалось восемь тысяч двести пятьдесят два, дьяконов — восемьсот девять. К шестьдесят седьмому — шесть тысяч шестьсот девяносто четыре и шестьсот пятьдесят три.

Такой темп нельзя объяснить естественным падением религиозности.

Приходы закрывались после прямого изменения государственной политики. Основания находились разные: распад зарегистрированной группы, отсутствие священника, нарушение законодательства, санитарное состояние здания, передача его другому учреждению.

Разнообразие процедур не отменяет общего вектора.

Москва не выбирала лично каждый сельский храм. Решения проходили районные и областные органы, местные руководители проявляли разную степень усердия. Но политическая линия и разрешительный механизм задавались центром.

ЛОЗУНГ ВМЕСТО НАБЛЮДЕНИЯ

Перепись тридцать седьмого года уже показала масштаб религиозности. Война доказала патриотическую функцию Церкви. Послевоенная практика показала, что церковный центр можно включить в советскую систему.

Хрущёвская кампания отбросила этот опыт ради веры в скорое исчезновение религии.

Газеты, школа, комсомол, общество «Знание» и массовые лекции должны были доказать превосходство научного атеизма. Но пропаганда

сама по себе не закрывает храм.

За идеологическим наступлением стояли исполкомы, уполномоченные и Совет.

Это характерный дефект хрущёвского управления. Политический лозунг выдавался за уже наступившую реальность, после чего аппарат принуждал страну соответствовать лозунгу.

СТО ДЕСЯТЬ ДНЕЙ

Тридцать первого марта тысяча девятьсот шестьдесят первого года председатель Совета Владимир Куроедов потребовал изменить приходское управление.

Финансово-хозяйственная власть должна была перейти исполнительному органу общины. Священнику оставалось богослужение.

Восемнадцатого июля Архиерейский собор в Троице-Сергиевой лавре оформил новую конструкцию внутри церковного порядка.

Формально решение приняли архиереи. Инициатива и давление исходили от государства.

Так воскресла логика «двадцатки» восемнадцатого года.

Священник обслуживает культ и не руководит материальной единицей. Хозяйством распоряжается зарегистрированная группа мирян, состав которой видит уполномоченный.

Государство ослабляло связь архиерея, настоятеля и прихода — и увеличивало административную уязвимость общины.

Сто десять дней между требованием чиновника и решением Собора.

КАРПОВ НЕ УДЕРЖАЛ

Георгий Карпов, строивший послевоенный механизм, возражал против чрезмерного темпа и предупреждал о последствиях.

Совет не был самостоятельным политическим субъектом. В шестидесятом Карпова сменил Куроедов, ставший проводником наступательной линии.

Персональная смена хорошо показывает функцию аппарата. При Сталине Карпов обеспечивал контролируемое восстановление. При Хрущёве та же организация обслуживала сокращение.

В том же шестидесятом Куроедов добился отстранения митрополита Николая Ярушевича — одного из трёх, кто был в Кремле в сорок третьем. Через год Николай умер.

Патриарх Алексей I пытался защищать приходы, монастыри и духовные школы, подавал обращения, добивался отдельных исключений.

Лояльность Церкви государству равенства сторон не создавала. Административный выключатель оставался у власти.

ЖИРОВИЦЫ

Ермоген Голубев не согласился с решением восемнадцатого июля.

Он настаивал: настоятель храма должен быть действующим членом исполнительного органа прихода. То есть требовал вернуть священнику то, что у него забрали.

Двадцать пятого ноября шестьдесят пятого года его уволили на покой в Жировицкий монастырь.

Тридцатого июля шестьдесят восьмого Синод осудил его деятельность и предупредил о возможных прещениях.

Он прожил в Жировицах тринадцать лет и умер в семьдесят восьмом, не вернувшись на кафедру.

Человек, обошедший запрет на строительство храма, не смог обойти запрет на несогласие. Разница в том, что в первом случае он спорил с местным исполкомом, а во втором — с курсом.

ЗДАНИЕ ЗАКРЫЛИ, ВЕРУ НЕТ

Верующие собирали подписи, писали жалобы, ездили в Москву и ссылались на советские законы.

Они защищали религиозное право не против государства вообще, а через его собственные процедуры. Это ещё раз показывает: церковная

община давно была частью советского общества, а не внешней силой.

После закрытия храма люди ездили в соседние районы, крестили детей без публичности, хранили иконы и домашний календарь.

Кампания уменьшила видимость и доступность Церкви, ударила по кадровому воспроизводству и монастырской традиции. Заявленного исторического результата она не достигла: религия не отмерла.

После отставки Хрущёва наступательная фаза ослабла. Но закрытые приходы автоматически не открылись, а приходская реформа, регистрация и контроль продолжили действовать.

Сталин в сорок третьем признал существующую реальность. Хрущёв в пятьдесят восьмом попытался подчинить реальность прогнозу.

За шесть лет можно закрыть половину приходов. Приказать народу перестать верить нельзя.

Ермоген построил собор потому, что чиновник не читал разрешение внимательно. Через семь лет тот же человек лишился кафедры за одно письмо. Что в этой системе на самом деле было запрещено — строить храмы или не соглашаться вслух?

Восьмой материал сезона «Вера», всего 10.

В следующий раз — двадцать девятое апреля восемьдесят восьмого года: как христианство вернулось в государственный рассказ о происхождении страны.

Регулятор признал, что прогноз не сбывлся

№ в серии: 220 из 233 · № в сезоне: 9 из 10 · Сезон: 19 «Вера» · Часть: IV «Возвращение в историю» · Дзен: 26.11.2027 · ЖЖ: 26.11.2027 · Заставка: s19_09.png · Теги: Историческая Россия, вера, тысячелетие Крещения Руси, Константин Харчев, патриарх Пимен, Михаил Горбачёв, монастыри

В марте тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года председатель Совета по делам религий Константин Харчев публично сказал: устойчивой тенденции к снижению религиозности в СССР нет.

Это говорил не диссидент и не церковный публицист. Это говорил человек на той самой должности, которую в сорок третьем создали для Карпова.

Шестьдесят лет государственная политика строилась на прогнозе: образование, город и социалистический быт сделают религию ненужной.

Через полтора месяца после слов Харчева в Кремле принимали патриарха.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ АПРЕЛЯ

Михаил Горбачёв принял патриарха Пимена и постоянных членов Священного Синода.

Генеральный секретарь назвал Крещение Руси знаменательной вехой отечественной истории, культуры и государственности. Он объявил о подготовке нового закона о свободе совести и признал ошибки власти в отношении религиозных организаций и верующих.

Мировоззренческие различия между государством и Церковью, сказал он, не должны мешать сотрудничеству в нравственном оздоровлении общества.

Впервые на высшем уровне советское государство поместило православное событие не в историю пережитков, а в рассказ о собственном происхождении.

Изменилось не разрешение. Изменился субъект исторической памяти.

ДАНИЛОВ И ОПТИНА

В восемьдесят третьем году Московской патриархии передали Данилов монастырь — первый возвращённый Церкви московский монастырский комплекс и будущий центр подготовки юбилея.

Осенью восемьдесят седьмого вернули Оптину пустынь и Толгский монастырь.

Это были не новые здания на свободном участке. Государство возвращало исторические комплексы, изъятые после революции и десятилетиями использовавшиеся под другое.

Вместе с камнем возвращалась связь с монашеской традицией, святыми, паломничеством и культурной памятью.

Один объект ещё мог быть юбилейным исключением. Несколько монастырей, новые приходы, расширение издательской деятельности и публичное обсуждение свободы совести — уже тенденция.

Старая модель ограниченной Церкви внутри разрешительного аппарата начинала расходиться с политикой перестройки.

кто кого догонял

Слова Харчева стоит перечитать ещё раз.

Регулятор — орган, созданный для управления масштабом религиозной жизни, — заявил, что исходный диагноз неверен.

С двадцатых годов политика строилась на ожидании отмирания. Перепись тридцать седьмого опровергла быстрый сценарий. Хрущёвская кампания попыталась ускорить процесс административно.

К концу восьмидесятых сам аппарат признал, что результат не достигнут.

Государство не дарило существование исчезающей группе. Оно догоняло реальность собственного народа.

Поэтому поворот нельзя свести к доброй воле одного человека. Его вынудили накопленный общественный запрос, изменение отношения к истории и очевидная неэффективность прежнего курса.

НЕ ПРАВО ВЕРИТЬ

Религиозные обряды формально не были запрещены и до восьмидесят восьмого года.

Новым стало признание общественной и исторической функции Церкви.

Такой язык разрушал прежнюю конструкцию. Если христианство участвовало в создании государственности и культуры, его нельзя считать частным заблуждением граждан. Если Церковь сохраняла эту память, её публичное присутствие переставало быть временной уступкой прошлому.

Партийный атеизм одним выступлением не отменили. Православие не стало государственной религией, патриарх — должностным лицом СССР, школа — церковной.

Но идеологическая монополия на толкование истории была нарушена с самой вершины.

СИМВОЛ СТАЛ ИМУЩЕСТВОМ

В мае Церкви передали священные реликвии из кремлёвских музеев.

Тридцать первого мая правительство Украинской ССР передало монашеской общине территорию Дальних пещер Киево-Печерской лавры и тринадцать объектов. Двадцать пятого июня там возобновилось богослужение.

Третьего июня службы начались в Оптиной пустыни.

Возвращённые здания переставали быть только памятниками архитектуры. Музейный предмет снова становился святыней, монастырский комплекс — действующей общиной, историческое место — пространством живой преемственности.

Политическая формула получала материальное содержание. И получала быстро.

Синод ставил вопросы об открытии приходов, монастырей, духовных школ, расширении печати и возвращении культовых объектов. В отличие

от прежних индивидуальных ходатайств, теперь речь шла о системном расширении.

ШЕСТОЕ — ДЕВЯТОЕ ИЮНЯ

Поместный собор принял новый Устав об управлении Русской православной церковью и прославил ряд святых.

Устав вернул настоятелю права в приходе. То самое, чего в шестьдесят пятом добивался Ермоген Голубев и за что лишился кафедры. Он не дожид до этого десять лет.

Торжества шли с международным участием, получили телевидение, радио и газетное пространство. То, что прежде показывали преимущественно как объект критики, стало общесоюзным событием.

Институт существует не только через имущество и регистрацию. Ему нужно право говорить от своего имени и быть видимым.

В восемьдесят восьмом Церковь вернула национальную сцену. Миллионы граждан увидели: их семейная вера и историческая память больше не вытеснены в частную нишу.

Внешнеполитический эффект был очевиден — СССР показывал Западу новый подход к свободе совести. Но монастыри, святыни, школы и приходы не позволяют считать юбилей витриной. Внешняя репутация сопровождала внутреннее изменение, а не заменяла его.

ПРАВО ОСТАВАЛО

Совет по делам религий продолжал существовать. Регистрация оставалась разрешительной. Многие здания не возвращались. Религиозные организации всё ещё не обладали полной правосубъектностью.

Апрель восемьдесят восьмого — не дата полной свободы Церкви.

Это дата, когда высшая власть открыла новый политический коридор. Старый аппарат ещё работал, но его прежняя цель утратила официальную легитимность.

Первого октября тысяча девятьсот девяностого года Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях» вернул религиозным организациям права юридического лица и собственности, сохранив отделение от государства.

Так закрылся правовой цикл, начатый двенадцатой и тринадцатой статьями декрета восемнадцатого года. Светское государство сохранилось. Лишение Церкви гражданской самостоятельности перестало быть обязательным условием светскости.

Приходов у Церкви в восемьдесят пятом было шесть тысяч восемьсот шесть. В девяностом — десять тысяч сто десять.

НЕ ГОРБАЧЁВ ЭТО СОЗДАЛ

Перестроечная власть открыла шлюзы. Она не создала силу, которая через них вышла.

Вера пережила восемнадцатый год, изъятия, расколы, террор и хрущёвские закрытия. Патриарший центр был восстановлен при Сталине и сохранялся четыре десятилетия. Монастыри, приходы и люди существовали до юбилейного разрешения.

Заслуга решения не равна авторству процесса.

Горбачёв признал то, что государство больше не могло эффективно отрицать. Политически это было правильное действие.

Стратегически оно происходило внутри более общего демонтажа системы, который вскоре затронет не только контроль над религией, но и само союзное государство.

Идеализировать перестройку не нужно. Достаточно точно назвать результат: христианская традиция была официально возвращена в рассказ о происхождении страны.

ДВЕ ФУНКЦИИ

В сорок третьем Сталин вернул Церкви государственную функцию — право быть общенациональным институтом внутри советского строя.

В восемьдесят восьмом государство вернуло ей историческую функцию — право публично связывать советское настоящее с тысячелетней Россией.

Первый поворот совершался в войне и укреплял мобилизацию государства. Второй происходил в период его ослабления и расширял свободу общества.

Смешивать их нельзя. Но между ними есть преемственность: признан был один и тот же церковный центр, сохранённый через разрыв революции.

Шесть десятилетий чиновники по церковным делам исполняли задачу, поставленную сверху. Харчев оказался первым, кто вслух сказал, что задача была основана на неверном прогнозе.

Почему для такого признания понадобился именно человек с этой должности — и почему оно прозвучало только тогда, когда система уже разбиралась?

Девятый материал сезона «Вера», всего 10.

В следующий раз — итог сезона: пять человек, через которых государство разговаривало с Церковью, и то, что пережило их всех.

Пять человек на одной должности

№ в серии: 221 из 233 · № в сезоне: 10 из 10 · Сезон: 19 «Вера» · Часть: IV «Возвращение в историю» · Дзен: 28.11.2027 · ЖЖ: 28.11.2027 · Заставка: s19_10.png · Теги: Историческая Россия, вера, Михаил Галкин, Евгений Тучков, Георгий Карпов, Владимир Куроедов, Константин Харчев

Двадцать пятого марта тысяча девятьсот сорок восьмого года в Харькове умер Михаил Владимирович Галкин.

Последние годы он заведовал кафедрой марксизма-ленинизма. До этого была эвакуация в Новосибирск, работа в украинских институтах, редакция «Безбожника», антирелигиозная комиссия, комиссия по изъятию церковных ценностей, ликвидационный отдел Наркомюста.

А до всего этого — Исаакиевский собор, шестнадцатое апреля тысяча девятьсот шестого года, рукоположение.

Он умер через четыре с половиной года после того, как государство, которому он служил, вернуло Церкви патриарха.

ПЯТЕРО

Через советский век проходит одна должность, менявшая название: человек, через которого государство разговаривает с Церковью.

Галкин писал декрет, отнимавший у неё имущество и правоспособность.

Тучков вёл церковный вопрос в ГПУ и обсуждал, какую конструкцию должен закрепить обновленческий собор.

Карпов рассказывал Сталину об авторитете иерархов, а потом возвращал храмы и спорил с исполкомами, чтобы те не закрывали больше положенного.

Куроедов забирал у настоятеля хозяйственную власть и подписывал сокращение сети вдвое.

Харчев сообщил, что снижения религиозности не наблюдается.

Пятеро. Одна функция. Пять противоположных задач.

Ни один из них не выбирал курс. Все пятеро его исполняли — и именно поэтому по ним лучше всего видно, где в этой истории находилась воля.

МЕНЯЛИ НЕ ЗАКОН

Декрет восемнадцатого года разрушил сословно-государственную систему империи и уравнил конфессии перед светской властью. Это было исторически объяснимое решение.

Но вместе с привилегией Церковь лишили гражданской самостоятельности. Она не могла владеть имуществом и существовала как совокупность местных групп, получающих государственные здания в пользование.

Вместо независимости двух институтов возникла система административного допуска.

Эта конструкция пережила почти весь советский век. При одном курсе через неё разрешали открытие храмов, при другом — закрывали.

Ошибка была не в светском государстве. Она была в отождествлении светскости с правом власти определять материальный предел религиозной жизни.

Именно поэтому сорок третий и пятьдесят восьмой годы обошлись без новых законов.

ПРЕДЕЛ СИЛЫ

Кампания двадцать второго года показала, как чрезвычайная государственная задача соединяется с политическим разгромом независимого центра.

Обновленчество показало другое: как настоящий внутренний спор превращается в инструмент органов.

Государство дало реформаторам здания, регистрацию и верховное управление. Церковную легитимность оно передать не смогло.

После освобождения Тихона приходы пошли обратно сами. В сорок третьем сама власть выбрала эту преемственность и отказалась от обновленческого эксперимента.

Власть способна назначить администратора. Сделать его своим приказом носителем веры и памяти она не способна.

Этот предел важен далеко за рамками церковной истории. Институт живёт не только ресурсом, но и признанием людей, для которых он выражает порядок более длительный, чем текущая команда.

ЦЕНА ЦЕНТРА

Декларация двадцать седьмого года пыталась соединить верность советской Родине с доказанной политической лояльностью государству.

Сергий получил легальный Синод и сохранил линию центрального управления. Безопасности для духовенства он не получил и вызвал тяжёлый внутренний раскол.

Превратить его ни в бесспорного героя, ни в простого капитулянта нельзя честно.

Он действовал в пространстве, где отказ от компромисса мог оставить Церковь без видимого центра, а компромисс делал центр зависимым.

Результат его решения проявился в войне. Именно сохранённая линия смогла обратиться к верующим двадцать второго июня сорок первого года и через два года стать восстановленным патриаршеством.

Институциональная преемственность не спасла людей. Она сохранила возможность собрать Церковь, когда государство изменило курс.

ГЛАВНЫЙ ДОКУМЕНТ СЕЗОНА

При разгромленной инфраструктуре пятьдесят пять миллионов взрослых назвали себя верующими человеку с государственным бланком.

Вера может существовать в человеке и семье без юридического лица, здания и регистрации. Церковь в каноническом смысле сохраняется через

таинства, епископат и преемственность. Общественный институт требует ещё иного: школ, монастырей, печати, имущества и открытого голоса.

Советская политика воздействовала на эти слои с разной силой.

Имущество национализируется быстро. Учебное заведение закрывается за день. Иерархическую память уничтожить труднее. Удалить веру из миллионов семей — труднее всего.

Поэтому оболочка, церковный центр и религиозный народ переживали двадцатый век в разных режимах. Историческая традиция оказалась глубже административной сети.

СОРОК ТРЕТИЙ

Решение четвёртого сентября сорок третьего года — центр сезона.

Сталин не вернул дореволюционный строй и не отменил советскую власть. Он признал, что победа требует всей исторической глубины народа: армии и производства, государственной дисциплины и религиозной памяти, советского патриотизма и образов Александра Невского, Дмитрия Донского, Сергия Радонежского.

Патриарх, Синод, духовное образование и церковный журнал вернулись как части общей мобилизации.

Церковь действовала не против советской Родины и не рядом с ней, а внутри её борьбы за существование.

Государство впервые после революции увидело в традиции не конкурента, которого следует ликвидировать, а силу, которую необходимо включить в общее дело.

Контроль сохранился через Совет Карпова. Но контролируемый институт — не то же самое, что уничтоженный. Восстановленный центр пережил все следующие курсы.

ЦЕНА ОТКАТА

С конца пятидесятих государство снова попыталось заменить наблюдение за обществом верой в собственный лозунг.

Кампания сократила приходскую сеть почти вдвое, ударила по монастырям, духовным школам и хозяйственной самостоятельности общин.

Она не уничтожила патриаршество и не вернула террор тридцатых. Но ослабила институт, уже доказавший государственную полезность в войне.

Один и тот же аппарат при Сталине восстанавливал, при Хрущёве закрывал.

Здесь и виден главный системный дефект. Положение Церкви зависело не от устойчивого права, а от качества политического решения наверху.

Вера снова пережила инфраструктурное сжатие. Хрущёвский курс повторно подтвердил то, что уже показала перепись: давление уменьшает общественную форму религии быстрее, чем саму религиозность.

Официальный язык долго предлагал выбор: современность или религия, советская лояльность или церковная традиция.

Жизнь оказалась сложнее.

Верующие строили заводы, служили в армии, воевали и считали СССР своей страной. Неверующие сохраняли культурную связь с православной историей. Церковь действовала в государстве, которое мировоззренчески с ней не соглашалось.

Война стала точкой, где спор об идеологии уступил общей судьбе.

Советская государственность и историческая Россия оказались не двумя странами, а двумя слоями одного Отечества.

Поэтому история Церкви в СССР не годится как готовое обвинение советского периода целиком. В нём были преступные кампании и разрушительные решения. В нём же произошло восстановление государственного единства с тысячелетней традицией.

ЧТО СОХРАНИЛОСЬ

Сохранилось не имя.

Сохранились литургический язык, представление о священном, иерархическая преемственность, память о местах и людях, образ жертвы,

нравственная мера, не сводимая к текущей политической выгоде.

Даже там, где храм был закрыт, оставалось знание, что он храм, а не склад и не клуб.

Это и есть функция института исторической России: связывать живущих с теми, кто был до них, и с теми, кто будет после.

Государство управляет настоящим. Исторический институт придаёт настоящему длительность и меру.

Публично выполнять эту функцию Церковь могла не всегда. Иногда она сохраняла её в минимальной форме — в семье, тайном крещении, памяти о разрушенной святыне.

После сорок третьего снова получила общегосударственный голос. После восьмидесят восьмого — право открыто представлять историческую глубину страны.

ТОТ, С КОГО НАЧАЛИ

Галкин двенадцать лет служил священником и тридцать лет разбирал Церковь, в которой служил.

Он не был выдуманным злодеем. Он был человеком, чьё знание института государство использовало против института.

За его жизнь государство успело отнять у Церкви всё, что можно отнять административно, — и вернуть значительную часть обратно, когда понадобилось воевать.

Разумная власть не обязана разделять веру Церкви. Она обязана понимать функцию исторических институтов. Сталин понял это в сорок третьем. Хрущёв забыл. К концу советского века государство было вынуждено признать снова.

Историческую Россию сохраняют не здания и не власть. Её сохраняет способность народа передавать через разрывы веру, память и меру служения.

Возвращалась не вывеска. Возвращался институт, переживший тех, кто считал его отменённым.

Галкин умер, зная, что патриаршество восстановлено. Что он об этом думал, источник не сообщает. Но вопрос остаётся и без его ответа: человек, который двенадцать лет служил, а потом тридцать разбирал, — исключение из правила или самый точный портрет эпохи?

Десятый и заключительный материал сезона «Вера», всего 10.

СЕЗОН 20 · «ГОД»

Материалов в сезоне: 12 · **Сквозные № :** 222–233 · **Дзен и ЖЖ (параллельно):** 30.11.2027 — 22.12.2027, через день · **Анонс сезона:** 29.11.2027 · *текст анонса не написан*

Структура: I «Мандат и принуждение» · II «Два центра власти» · III «Победа республиканских аппаратов» · IV «Ликвидация»

Редакция: после финальной сверки.